

— Совсем голову потерял, — хмыкнул Лю Сэнь, который и сам это прекрасно понимал. — Да и у Линь Ци, как ни крути, родители есть. Если он вздумает... Хе-хе, семья такому союзу ходу не даст.

Разговор плавно перетек на Линь Ци.

— Линь Ци уже парень взрослый, в годах, жениться пора, — Чэн Да сделал добрый глоток вина. — Да только беда: здешние девки лицом куда невзрачнее тех холеных служанок. Вот только, сдается мне, среди тех девиц девственниц днем с огнем не сыщешь.

Глаз у Чэн Да был наметанный, да и собрались тут одни мужики, так что стесняться и ходить вокруг да около никто не стал.

— А уездный наш горазд... — Дин Тянь покачал головой, не зная, как выразиться поприличнее.

Когда уездом заправлял господин Ду, Дин Тянь тоже не питал к нему особых иллюзий. Да, тот заслужил почет, обороняя город, но кристальной честностью не отличался. Да и как иначе? На одно казенное жалованье ноги протянешь, а чиновнику по статусу положено жить на широкую ногу. Нужно ведь держать марку! Благодаря «предприимчивости» супруги семейство Ду жило безбедно. Для Дин Тяня предыдущий уездный судья все равно оставался обычным мздоимцем, но в этом чужом, непонятном мире парень предпочитал держать свое мнение при себе.

Но на фоне нового уездного судьи Ма предыдущий уездный судья казался образцом добродетели и бескорыстия. Господин Ма переплюнул предшественника по всем статьям. Дин Тянь искренне недоумевал: как земля вообще носит таких деятелей?

Чиновники на местах — это ведь стеновой хребет государства. В прежней жизни Дин Тяня даже деревенские старосты имели высшее образование, а тут уездом заправляет невежда, который по меркам его родного мира и среднюю школу бы не окончил. Получил в управление отстроенный с иголки город и умудрился за считанные месяцы превратить его в сущий вертеп. Что за недоразумение во плоти?

Дин Тянь окончательно разочаровался и в имперской власти, и во всей чиновничьей клике. Правду говорят: древнее чиновничество — выгребная яма. И парень даже не догадывался, что столкнулся лишь с верхушкой айсберга.

Покончив с нехитрыми яствами, троица покинула кабачок. Подмели все до последней крошки, так что уносить с собой было нечего. Вернувшись в управу, они наскоро умылись и завалились спать.

Зимой развалиться на жарко истопленном кане — чистейшее блаженство. Сбоку приятно припекает теплая стена, косточки прогреваются, и сон наваливается мгновенно, глубокий и безмятежный.

Едва Дин Тянь со спутниками ушел, за стеной, в соседнем кабинете, расплатилась по счету другая компания. Покончив с делами, эти люди поспешили к себе на постоялый двор.

Место это было хорошо знакомо молодому главному тюремщику: именно этот просторный двор он когда-то нанимал, чтобы расселить родню, помогавшую ему строить дом. Теперь же новые постояльцы держали здесь полдюжины отменных скакунов, несколько груженных повозок и запас ходового на севере товара.

С виду обычный торговый караван: приказчик да охрана, от силы человек двадцать. Однако каждый из этих «купцов» был на диво статен, широк в плечах и крепок телом — с такими шутки плохи. Впрочем, на северных границах иные и не выживали. Только отчаянные сорвиголовы отваживались водить обозы по глухим трактам и даже соваться за заставу, к чужеземцам. Торговали, разумеется, лишь дозволенным: вывоз оружия, доспехов и зерна карался смертью, так что в повозках лежала всякая бытовая утварь да ткани.

Трактирщик, привыкший к заезжему люду, лишних вопросов не задавал. Разместил гостей с почетом, исправно поставлял горячую воду да дрова для печей и в чужие дела не совался. Торговцы уходили спозаранку, возвращались затемно, изредка вывозили часть товара. Кто-то уезжал, кто-то прибывал взамен, но общее число людей в караване оставалось прежним. Сосчитать их точно праздный зевака вряд ли бы сумел — больно уж суетливо они сновали туда-сюда.

Вернувшись на постоялый двор, новоприбывшие напрямик направились в восточный флигель у главного дома. Там их поджидал предводитель — мужчина средних лет в скромном платье ученого мужа.

Впрочем, здешняя ученость имела свой неповторимый колорит. Граничары нередко обладали саженым размахом плеч и разбойничьими рожами, так что грозный вид книжника удивления не вызывал. Вот и этот человек: не держи он в руке кисть, споро пощелкивая костяшками счетов, его легко можно было бы принять за казначея из лихого бандитского гнезда, нежели за мирного купца.

— Ну что, разузнали чего? — без особой надежды спросил он. Время близилось к полуночи, и мужчина уже мысленно приготовился оплакивать очередной впустую потраченный день.

— Есть новости! — огорошил его старший из вернувшихся.

— Как? — Приказчик резко вскинул голову. На его губах от непрерывных тревог высыпала болезненная лихорадка, а в глазах вспыхнул отчаянный огонек надежды. — Неужто напали на след?

— Сидели мы в трактире, а за тонкой перегородкой устроилась знатная компания: тамошний главный тюремщик и двое слуг управы. И вот о чем они толковали...

Разведчик принялся докладывать. Поразительно, но он воспроизвел подслушанный разговор слово в слово, с точностью бывалого соглядатая.

— Похоже, те трое, которых пригнали под покровом ночи, и есть наши... — не договорив, старший понизил голос. — Сходятся и приметы, и число. Двое точь-в-точь походят на тех, кого мы ищем. А насчет уездного... Главный тюремщик правду баял: этот Ма — тупица редкостный, у него в усадьбе бабы вертят делами как хотят, весь город зубы скалит. Раз сам уездный судья дурак, то и челядь его... Послушайте, а вдруг с Его Вы... то есть с господином Ван что-то случилось? Мы ведь уже десять дней о нем весточки не имеем!

— Держать благородных мужей в уездном узилище... Какая неслыханная дерзость! — Книжник яростно скрипнул зубами. — Решено. Ныне же ночью отправите людей на разведку. Город отстроен недавно, планировка может отличаться от привычной, так что глядите в оба.

— Сделаем, — коротко бросил старший, почтительно прижав кулак к ладони.

Когда исполнители вышли, из тени шагнул начальник охраны:

— Думаешь, это они?

— Кто знает, — вздохнул книжник, устало потирая переносицу. — Хватаемся за соломинку. Но пока есть хоть малейшая надежда, отступать нельзя. Если с князем случится беда, как мы в столицу вернемся? С каким лицом парням на глаза являться? Да и предкам на том свете как в глаза смотреть?

— Обойдется. Наш господин — не из тех, кого легко сломить, — веско обронил телохранитель.

У книжника подозрительно заблестели глаза:

— Твоими бы устами... Князю сама судьба благоволит, из любой передрыги невредимым выйдет. Предки оберегают его светлую голову, а наш род испокон веков славился верностью и доблестью. Духи павших воинов не оставят Его Высочество в беде.

Они помолчали, пытаясь унять тревогу. Наконец книжник взял себя в руки:

— А ведь те стражники правы. Кого еще станут везти в такую глушь, да еще и глухой ночью? Только государственных преступников. Небось передвигались исключительно потемкам, днем отсиживаясь в лесах. Немудрено, что мы сбились со следа. Ловко сработано, ничего не скажешь! — Последние слова он выплюнул с глухой ненавистью.

— Сегодня приглядимся, — предложил командир охраны. — Если прокрасться не выйдет, завтра я затею драку на рыночной площади. Упекут в узилище — оттуда все высмотрю.

— Будь по-твоему, — согласился предводитель. Иного пути все равно не виделось. Если бы не страх навлечь на себя обвинение в государственной измене за налет на казенную тюрьму, они бы давно взяли ее приступом.

Ночь выдалась темной, безлунной. С севера дул ледяной, пронизывающий до костей ветер.

В этих краях зимняя стужа не щадила никого. Лазутчики облачились в черное тряпье, но под куртки пришлось поддеть теплую одежду, отчего их движения сделались неуклюжими. К тому же Дин Тянь бдительно охранял свои владения. Мало того, что он завел свирепых псов, так еще и сама тюремная ограда была выстроена на совесть — предыдущий уездный судья Ду на материалах не экономил. Нападавшие долго возились у стен, прежде чем сумели перелезть внутрь, но у самой земли наткнулись на собак.

В темноте раздался яростный лай.

Дин Тянь мгновенно открыл глаза.

Он прикрутил фитиль масляной лампы, делая свет ярче, и сонный сел на постели. Однако за окном все быстро стихло — собаки гавкнули лишь пару раз для порядка.

— Кого там черти носят?.. — проворчал парень и снова натянул одеяло до самого носа.

Хмель после вечерней пирушки еще приятно туманил разум. Вино попало некрепкое, но голова от него сделалась тяжелой — самое то для крепкого сна. Кому охота посреди ночи на мороз вылезать?

Коль скоро псы замолчали, то и беспокоиться не о чем. Дин Тянь рассудил просто: в тюрьму накануне доставили троих колодников, верно, зашевелились с непривычки. У собак-то слух куда тоньше человеческого, вот и почуяли шорох. Облаяли пустоту да и успокоились.

К тому же блок для опасных преступников располагался на отшибе. Неужто он, почтенный главный тюремщик, потащится туда в предрассветный час проверять кандалы? Ищи дурака.

Молодой человек повернулся на другой бок и сладко заснул, даже не подозревая, что в это самое время незваные гости, проникшие в тюрьму, обыскивали пустые внешние камеры.

Тюрьма уезда Бычьего Рога казалась самой обычной, но Дин Тянь подошел к обустройству внутреннего пространства творчески. Используя простые законы перспективы и обмана зрения, он хитро замаскировал проход, ведущий из общего зала в крыло для особо важных колодников. Даже при свете дня посторонний прошел бы мимо, не заметив потайной двери, а уж в крошечной ночной тьме и подавно искать было нечего.

К тому же грабители судили по обычному уездному узилищу. В таких Богом забытых местах

серьезных злодеев отродясь не держали: у местного уездного судьи попросту не было полномочий выносить смертные приговоры или ссылать на каторгу. Сюда сажали разве что за кражу курицы, потравы на полях да пьяные дебоши. Одна общая клетушка — вот и вся тюрьма.

Но Дин Тянь, помня о своем прежнем опыте, разделил казематы на зоны и обустроил их по всем правилам тюремной науки. Наружные камеры, предназначенные для мелких воришек, пустовали: соломенные циновки были аккуратно свернуты, решетки распахнуты.

Проникнуть на территорию управы стоило лазутчикам немалых трудов — в основном из-за обилия собак. Помощников у молодого главного тюремщика не водилось, так что псы заменяли ему целый отряд стражников.

Всего собак было шесть — три кобеля и три суки. Дин Тянь выменял их у старого таежного охотника еще в ту пору, когда закладывал фундамент собственного дома. Звери эти были чистокровными волкодавами, грозой лесного зверья.

Хозяин в них души не чаял: кормил досыта густой похлебкой из кукурузной муки на мясном бульоне, частенько баловал обрезками и крупными костями, чтобы клыки не тупились. На этих верных стражей он полагался куда больше, чем на ленивых слуг управы.

Покрутившись по двору добрую половину ночи и так ничего и не высмотрев, незваные гости были вынуждены уйти несолоно хлебавши до того, как начнет светать.

Дин Тянь поднялся на ноги с первыми лучами солнца. Время вольготной жизни кончилось: когда казематы пустовали, он мог бить баклуши, теперь же, при наличии живых душ под замком, следовало нести службу исправно и без опозданий.

Умывшись из ушата ледяной водой и приведя себя в порядок, главный тюремщик принялся за стирпню.

Завтрак он наварил немудрящий, зато сытный: густую кукурузную кашу-кавардак. Сам он любил, чтобы ложка стояла, да чтобы соли было в меру — тогда и вкус раскрывается как надо.

Правда, для буйного Ху Мацзы у него была припасена особая порция — пресная, совершенно без соли. В тюремном деле Дин Тянь усвоил золотое правило: коли тать не получает соли, то и силушка его быстро тает. А без силушки много не набунтуешь. Пусть сидит на голодном пайке, лишь бы дух испустил не раньше срока.

К каше прилагались исходящие паром кукурузные пампушки и соленая редька, обжаренная на свином сале. Туда же смотритель высыпал горсть жареного арахиса — вчерашний презент от хозяина трактира.

Разложив снедь по мискам, Дин Тянь подхватил тяжелый короб и зашагал к дверям секретного

блока.

<http://bllate.org/book/19387/1997482>